

УДК 81'366.587
ББК 81.2-2

Л.В. Табаченко

РОЛЬ ПРЕДЕЛЬНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ В РАЗВИТИИ ВНУТРИГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ

В истории русского языка предельность и результативность глагольных префиксов относились сначала к действию, выраженному мотивирующей основой. В дальнейшем при семантическом заражении от основ и контекста на базе результативности у приставок развиваются новые значения, формируются модификационные и мутационные словообразовательные типы, связанные с «внешней» предельностью и результативностью, ориентированные на способы протекания действия и на анимальную сторону одушевленного актанта.

Ключевые слова: *глагольные приставки, история русского языка, предельность, результативность.*

Табаченко Людмила Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8 (863) 283-28-49
E-mail: lyudmila-tabachenko@yandex.ru

Механизмы и тенденции внутриглагольной префиксации в истории русского языка невозможно исследовать только в рамках словообразования. Эволюция глагольных приставок связана с формированием категорий предельности, результативности и вида, с изменениями на синтаксическом уровне и формированием новых когнитивных структур полиситуативного и полипропозиционального характера.

Обратимся к роли предельности и результативности в истории внутриглагольного приставочного словообразования.

В отличие от современного русского языка, в котором пространственные префиксы могут сочетаться только с глаголами направленного действия, в праславянском языке, по мнению исследователей [Маслов; Нефедьев], пространственные приставки могли соединяться со всеми глаголами, в том числе и со стательными, поскольку префиксы первоначально только конкретизировали значение глагола и локально его уточняли. Они не имели еще значений предельности и результативности, и отсутствовало противоречие между семантикой стательности основы и локально-предельным значением приставки.

С развитием предложно-падежных форм возникает возможность для освобождения приставок от обязательной функции обозначения пространственности, что стало базой нового витка в развитии приставочного глагольного словообразования (подробней об этом см. [Табаченко, 1986]). Важным этапом в семантической

эволюции приставок явилось развитие у них значений предельности и результативности.

В отечественной аспектологии категория предельности / неопределенности (П/НП), или лимитативности [Теория функциональной грамматики...], «трактуеться как универсальная семантическая категория, отражающая онтологические характеристики глагольного действия и не располагающая системой стандартных грамматических средств для ее выражения <...> в связи с чем категория П/НП “не дорастает” до ранга грамматической категории» [Караванов, с. 103, 104]. В отличие от грамматической – видовой аспектуальности категория предельности / неопределенности характеризуется как аспектуальность лексико-семантическая. «Ведущим смысловым противопоставлением предельности / неопределенности глаголов является наличие/отсутствие у обозначенного действия “внутреннего” потенциального или реального предела, предусмотренного самой природой действия, с достижением которого он исчерпывает себя и далее не может продолжаться» [Шелякин, с. 39].

Формирование категории предельности / неопределенности в результате «обобщения отдельных способов действия праславянского глагола» [Маслов, с. 18] связывается исследователями с развитием приставочного глагольного словообразования [Там же].

Развитие предельности у приставок, возможно, шло следующим образом. У пространственных префиксов при их сращении с глагольными основами развивалось значение пространственного предела: присоединение приставки к глаголу не только пространственно маркировало его, но и одновременно намечало предел, границы, до которых распространяется и у которых прекращается действие. Н.П. Некрасов писал, что приставки, присоединяясь к глаголам, «ограничивают значение действия обстоятельностью его проявления, – и чрез это низводят родовое и общее значение глагола в видовое и особенное» [Некрасов, с. 178].

Если, по мнению М.В. Нефедьева, обязательным семантическим компонентом всех древнерусских приставок была предельность (вторым этапом их семантической эволюции после локальности была локальная предельность), то, по мнению других исследователей, основным префиксальным значением было пространственно-результативное, возникшее «в сочетании с предельными пространственно модифицируемыми глаголами» [Кукушкина, с. 140]. Результативность – частное выражение предельности: «Предел в большинстве случаев достигается как определенная цель с сохранившимся после ее достижения результатом действия» [Русская грамматика, т. 1, с. 583], а, с другой стороны, «результат – это такой предел, которого достигает направленный на него процесс» [Теория функциональной грамматики, с. 56]. И семантический механизм развития у приставок предельности, о котором писал Н.П. Некрасов, по мысли О.В. Кукушкиной, лежал в основе возникновения именно результативного значения: «...поскольку при глаголах перемещения ПП (пространственные показатели. – Л.Т.) обозна-

чают итоговое пространственное положение, а значит цель и результат действия, в результативных контекстах они одновременно выступают и как актуализаторы результативного значения» [Кукушкина, с. 141].

Следует отметить, что в употреблении терминов «предельность» и «результативность» не наблюдается их четкого разграничения. Исследователи различают, с одной стороны, естественную результативность [Плунгян], «запланированную» предельность [Лебедева 1991] действия, которое, «исчерпав данное свое проявление, сменяется чем-то другим – состоянием или другим действием» [Теория функциональной грамматики, с. 56], с другой – предельность как «фазисную детерминацию действия», связанную с внешним (временным) пределом [Бондарко, с. 80], и с третьей – «незапланированную» предельность, которая «может проистекать из трансформации компонентов денотативного слоя семантики» [Лебедева, 1991, с. 102]. В последних определениях предельность понимается широко и по сути равна результативности, однако «запланированной» предельностью можно считать «не свойство ситуации иметь результат вообще, а несколько другое свойство – предсказуемость, единственность, естественность этого результата. Предельные ситуации, развиваясь нормально, могут завершиться только одним результатом – тем, который выводится из лексикографического толкования соответствующих предикатов» [Плунгян, с. 58]. Если понимать предельность только как естественную, «предсказуемую», то «связь между предельностью и существованием результата имеет отнюдь не бесспорный характер» [Там же].

«Сдвиг “естественный результат” → “результат вообще”» – не только плата за возможную грамматикализацию противопоставления по результативности / нерезультативности, о которой пишет В.А. Плунгян, но и появление возможности перенесения предельности и результативности на ось временной перспективы протекания действия. Например, «ограничение длительности – это “внешне-предельное” значение. <...> На семантику ограничительного или длительно-ограничительного способа действия накладывается видовое значение предела: ограниченное мерой длительности действие представлено в полноте (исчерпанности) этой меры» [Теория функциональной грамматики, с. 47]. Эту возможность усиливает отсутствие у глаголов естественной, «запланированной» предельности, результативности и объектности, что актуализирует представленность действия в аспекте протекания, «“высвечивает” как бы временную перспективу, и глагол интерпретирует эту ситуацию как длящийся во времени процесс, в котором акцентируются все фазы» [Лебедева, 1991, с. 98]. Кроме этого, «результат вообще» может быть перенесен на смежную с обозначаемой глагольной основой ситуацию полиситуативного комплекса.

Собственно результативное значение (результативная предельность), по мнению М.В. Нефедьева, оформилось на базе предельности в поздний праславянский период при соответствии семантики приставки и эволютивных глагольных основ, которые обозначали «актив-

ное целенаправленное действие, стремящееся к достижению результата» [Нефедьев, с. 29]. Это привело к нейтрализации соответствующей семантики приставки, значение которой стало расцениваться как результативное. После закрепления за приставкой этого значения круг мотивирующих основ расширяется: присоединяясь к ним, префикс начинает вносить только результативное значение. В дальнейшем при семантическом заражении¹ десемантизированной приставки от глагольных основ происходило формирование новых словообразовательных типов. Этот процесс, как и оформление значения результативности, происходит в кругу эволютивных основ [Там же, с. 29–37]. Определенную роль в формировании новых словообразовательных типов играло и семантическое заражение от контекста. Таким образом, важным следствием десемантизации приставок, развития у них чистой результативности было появление на ее базе вторичных значений префиксов и словообразовательных типов, не связанных с первичным пространственным значением.

С другой стороны, именно «предельные глаголы и, в первую очередь, приставочные глаголы результативного способа действия» [Маслов, с. 33] стали базой оформления категории вида. Славянский вид в определенном смысле является «побочным продуктом» развития глагольной префиксации, о чем писал С. Карцевский: «Игра видовых форм представляет собой лишь своего рода частный случай более широкой и более сложной игры форм, какой является глагольное словообразование в целом» [Карцевский, с. 220]. С развитием категории предельности у приставочных глаголов (которая устраняла представление о длительности, ставила предел этой длительности) уже «в позднем псл. языке появляется необходимость выражения экспрессивного значения процессуальности, длительности действия» [Силина, с. 158], основой которого стало неопределенно-многократное значение: «так называемая перфективация генетически восходит к маркированному члену одной оппозиции – именно к предельности, тогда как имперфективация – к маркированному члену другой оппозиции – к неопределенности» [Маслов, с. 33]. Окончательное формирование категории вида в истории русского языка связано с развитием суффиксальной имперфективации, сыгравшей основную роль в становлении видовых корреляций и придающей предельным глаголам значение процессуальности, длительности, нецелостности.

Противоречие между предельностью и результативностью пространственных приставок и стательностью основ уже имело место в древнерусском языке и, по-видимому, сформировалось еще в праславянском.

Именно из-за развития у всех пространственных приставок значения предельности и результативности исчезают словообразовательные типы стальных глаголов с пространственными приставками (типа *обстояти*, *простояти*, *зостояти* и др.; подробнее см. [Табаченко, 2010]). Локально-предельное (локально-результативное) значение приставки

приходит в противоречие со статальностью позиционных основ, приставочные глаголы вытесняются бесприставочными, а беспредложная форма – предложной: *обстоять город – стоять вокруг города, пристояти прѣстоу – стоять у престола* и т. д.

С развитием у приставок на основе значения результативности вторичных значений появляются омонимичные пространственным модификационные словообразовательные типы, выражающие различные способы глагольного действия (*достоять, отстоять, постоять, простоять*), и мутационные словообразовательные типы, результативность которых, как правило, связана с семантическим усложнением одушевленного актанта и формированием полиситуативного комплекса, она не запланирована в семантике мотивирующего глагола, источник объектности и результативности находится в смежном событии, связанном с анимальной стороной актанта – физиологическим, психологическим, социальным планами [Лебедева, 2010, с. 155]. Например, статальный позиционный глагол *сидеть* не имеет «естественной», «запланированной» предельности и результативности, однако у одушевленного субъекта есть еще анимальная, физиологическая сторона, где происходят события, могущие иметь результат (*отсидеть ногу, мухи засидели зеркало*). Если субъектом является человек, результат может реализоваться в социальном аспекте: человек сидит (находится) на рабочем месте и одновременно, как член социума, движется по служебной лестнице (*высидеть повышение*), он сидит в кафе, пьет и ест, платит за это деньги (*просидеть в кафе зарплату*).

«Достигнутая результативность префиксальных глаголов сигнализирует о наступлении новой ситуации и, следовательно, нового события» [Там же, с. 157]. Глагольная основа в этом случае превращается в своеобразное «обстоятельство образа действия», уточняющее, каким образом, при помощи чего реализуется основное глагольное действие, представленное приставкой. В результате словообразовательной мутации «создается сложная номинация, не только называющая новую ситуацию, но и выражающая связь между ней и исходным действием, которое в большинстве случаев выступает либо ее причиной (*проспать остановку, выслужить повышение*), либо способом достижения...» [Петрухина, с. 118–119]. При реализации «незапланированной» результативности присоединение приставки может менять «результативно-целевую перспективу исходного глагола и его логические и соответственно семантические валентности» [Там же, с. 114]. При мутационном типе деривации приставочный глагол в качестве ядерной называет совершенно иную глагольную ситуацию, связанную не с исходной основой (маркированной ситуацией), а с другим классом глагольных номинаций, например, «получить», «захватить», «заработать», «пропустить», «растратить» и др. В процессе развития функций и семантики глагольных приставок в истории русского языка они превращаются в мощное словообразовательное средство, способное не только создавать новые глагольные лексемы, но и аккумулялировать семантику словообразовательных типов.

На наш взгляд, динамика внутриглагольного приставочного словообразования связана с формированием новых когнитивных структур, ориентированных не только на аспекты протекания действия, но и на актуализацию у одушевленного актанта физиологического, ментального и социального планов глагольной ситуации в качестве источников результативности и объектности.

Таким образом, в истории русского языка предельность и результативность глагольных префиксов относились сначала к действию, выраженному мотивирующей основой. В дальнейшем при семантическом заражении от основ и контекста на базе результативности у приставок развиваются новые значения, формируются модификационные и мутационные словообразовательные типы, связанные с «внешней» предельностью и результативностью, ориентированными на способы протекания действия и на анимальную сторону его одушевленного участника.

Примечание

¹ Термин М. Бреалья «заражение» (франц. contagion) употребляется исследователями для описания одного из механизмов семантической трансформации слов в результате влияния контекста. М.В. Нефедьев использовал этот термин для описания подобного механизма семантического заражения, наполнения делокализованных приставок от основ с общим семантическим полем.

Литература

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии : 2-е изд. М., 2001. 208 с. : *Караванов А.А.* К вопросу о характере категории предельности древнерусского глагола // ВЯ. 1992. № 6.

Карцевский С. [Из книги «Система русского глагола» (Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927)] // Вопросы глагольного вида. сб. / составл. сб., ред. Ю.С. Маслова. М., 1962. С. 218–230.

Кукушкина О.В. О механизме развития непространственных значений у приставок // Актуальные проблемы современной русистики : диахрония и синхрония. М., 1996.

Лебедева Н.Б. Словообразующие возможности глагола // Семантические вопросы словообразования : значение производящего слова. Томск, 1991.

Лебедева Н.Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики: 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. 192 с.

Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958.

Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.

Нефедьев М.В. Глаголы с приставками НА-, ОБ- (ОБО-) в русском языке XI–XVIII вв. : дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.

Плунгян В.А. К определению результата (универсальна ли связь результата и предельности?) // ВЯ. 1989. № 6.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 1–2.

Силина В.Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Табаченко Л.В. Об одной из тенденций развития обстоятельственных конструкций в русском языке XI–XVII вв. (на примере конструкций с глаголами *обстояти, облежати, обшдѣти*) // ВЯ. 1986. № 3. С. 111–117.

Табаченко Л.В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 1. С. 7–31.

Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис: 3-е изд., стереотипное. М., 2003.

Шелякин М.А. Аспектология // Русский язык: энциклопедия: 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 38 – 40.